

СБОРНИК ДРАМАТУРГИИ

Сюжеты в ожидании постановки

ВЫПУСК 1

Хелен Лимонова

**Сюжеты в ожидании
постановки. Выпуск 1**

«Издательские решения»

Лимонова Х.

Сюжеты в ожидании постановки. Выпуск 1 / Х. Лимонова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936082-3

В первом выпуске сборника представлены три пьесы известных драматургов — Бориса Тальникова, Далии Трускиновской, Александра Карабчиевского. Пьеса «Поминки» (Б. Тальников) была поставлена в Липецком академическом театре в 1988 г. Вниманию читателей предлагается переосмысленный и существенно изменённый в 2017 г. вариант. Пьеса «Вариация Эсмеральды» (Д. Трускиновская) — своеобразный знак протеста против фильма «Матильда». Пьеса «По специальности» (А. Карабчиевский) — современная драма-гротеск.

ISBN 978-5-44-936082-3

© Лимонова Х.
© Издательские решения

Содержание

Борис Тальников	6
Поминки	7
Действующие лица	8
Действие первое	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сюжеты в ожидании постановки

Выпуск 1

Редактор Хелен Лимонова

ISBN 978-5-4493-6082-3 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6083-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Тальников

Борис Лихтенфельд родился в 1947 году. Окончил МФТИ. Преподавал высшую математику в московских вузах. Защитил кандидатскую диссертацию по логике науки. Драматург Борис Тальников родился позже. Первую пьесу «Любовь к ближнему» написал в 1982 году. Затем последовали «Поминки» и «Любовные приключения Димы Жуева».

В 1989—2001 годах в занятиях Бориса Тальникова драматургией наступил перерыв: в эти годы Борис Лихтенфельд работал директором Московского театра «Школа драматического искусства». Его неустанная работа с Правительством Москвы позволила художественному руководителю театра Анатолию Васильеву создать семь студий для лабораторной работы на Поварской и построить уникальное здание театра на Сретенке. По завершении этих проектов вернулся к литературной работе. Написал пять пьес.

Судьба публикуемого текста изложена после соответствующего титула.

Поминки **современная трагедия в двух действиях**

*В тексте использованы стихи
Наталии Борисовой, Юрия Лимонченко и автора.*

1983, 2017 г.г.

Первый вариант пьесы «Поминки» был поставлен в Липецком академическом театре им. Л. Н. Толстого в 1988 году (режиссёр – Вадим Мирошниченко, стажёр Московского театра «Современник»). Вниманию читателей предлагается переосмысленный и существенно изменённый в 2017 году вариант.

«...единственное, что приемлемо, – это почитать друг друга. Поэтому все должны прислушиваться к учениям, проповедуемым другими, ища общее... Угодный Богам (*Ашока*) не ценит дары или рабское поклонение, но ценит столь нужное возвращение изначальной сути всех духовных течений и их открытость...»

(Из 12-го Указа (надписи) Ашоки, Великого буддийского императора, III век до н.э.)

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».
(Мтф. 5:9, I век н.э.)

«Сражайтесь с ними (*с неверными*), доколе не исчезнет искушение их и пока религия (*их*) целиком не будет посвящена Богу. Но если они прекратят, то враждовать следует только с беззаконниками».

(Коран 2:193; IV век н.э.)

Действующие лица

ВИКТОР – старший сын.

АЛЯ – его жена.

ЭДИК – младший сын.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – брат.

АЛЕКСЕЙ – его сын.

ЕЛЕНА – жена Алексея.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ – заведующий канцелярией.

Матвею Николаевичу и Григорию Фёдоровичу больше восьмидесяти,

Виктору около пятидесяти,

Алексею и Эдику за сорок,

Елене и Але между тридцатью и сорока.

Действие происходит в наши дни.

Действие первое

Гостиная. Длинный стол с яствами и алкоголем. Дверь в холл приоткрыта – доносятся голоса уходящих и провожающих их Матвея Николаевича, Виктора и Эдика.

За столом Елена и Аля. Алексей ходит, о чём-то думает.

АЛЯ. Странные поминки: друзья и сослуживцы – о покойном два слова. Всё о терроризме, о мусульманах. Доспорились: русских шахидов готовить надо! Мстить за каждый теракт.

ЕЛЕНА. Алёша заикнулся, что мусульмане обороняются от культуры бывших христиан – его чуть живьём не съели. Если бы Матвей Николаевич не прервал их.

АЛЯ (*вполголоса*). Алекс твой тоже хорош: нашел «подходящую» обстановку Голливуд клеймить...

ЕЛЕНА. Неизвестно, от чего Георгий Николаевич умер. Человек после инфаркта сидел перед телевизором, когда этот ужас без конца крутили. Сколько людей смотрят – среди них инфарктники. Но сообщения такого ни разу не было, чтобы человек умер от телевизора. Раздули, как установленный факт.

АЛЯ. Ясно для чего: подготовить нас к новым мерам безопасности. Итак, куда ни зайдешь, или голос, или плакат. Может, правда: там, наверху, решили русских шахидов вербовать – вот и готовят нас. Особенно мам, у кого мальчики. Слава Богу, у нас с Виктором дочь!.. Алекс, ты – бывший физик. Прикинь, какая вероятность, что человек от телевизора умер? Вероятность встретить инопланетян – и то рассчитывают.

АЛЕКСЕЙ. Власть тут ни при чём. Ты права, Ленка: журналисты раздули ради сенсации. Что-то ещё волновало Георгия Николаевича. Бесконечные повторы по телевизору добились его сердце.

АЛЯ. Бог ты мой, «ещё что-то»...

Матвей Николаевич вводит в гостиную Григория Фёдоровича.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Не-е, Григорий Фёдорович, вас мы не отпустим. Вы были не просто сослуживцем, вы, можно сказать, ближайший сподвижник. Поэтому в кругу, в этом тесном кругу давайте почтим.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Я – за... Я – безусловно... Но родственники...

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Эх, Григорий Фёдорович, мы оба – дети войны. И стало быть, всё знаем: и про родственников разных, и про друзей. Ещё неизвестно, кто ближний!.. Виктор! Эдик! Нашли время уединяться! (*Григорию Фёдоровичу*) Георгий был заботливым мужем и отцом. Но он был муж – в старом понятии этого слова: не только домом правил.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Уж это как есть так: шутка ли, первый зам губернатора. Огромными стройками заправлял. В другие губернии звали, как что затевали...

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*кричит в дверь*). Это, наконец, неприлично!

Входят Виктор и Эдик. Алексей садится за стол.

ЭДИК. Просим прощения, дядя Матвей.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (*стоя, с поднятой рюмкой*). Мы с Георгием – детдомовцы. «Дети врагов народа» были. Чудом уцелели после немецкой бомбежки. Красная армия пришла, и мы попали в солдатскую семью. Как бойцы нас любили! В прошлом году умер последний ветеран... Дети ветеранов поставили меня с Георгием во главе «Бессмертного полка». Это жутко: идти во главе полка мертвецов – твоих родителей. В следующем году – мне одному...

Понесу портрет Георгия. Отец наш воевал в каком-то батальоне эков-смертников. От отца и матери ничего не осталось. Даже лиц не запомнили... *(Смахивает слезу.)* Помянем бесстрашного мальчика Георгия – сына великой войны.

Все пьют. Эдик пригубил.

ЕЛЕНА. А я вспомнила Георгия Николаевича на нашей свадьбе. *(Алексею.)* Помнишь этот зеркальный банкетный зал? С одной стороны твои родственники, с другой – мои. В конце стола друзья институтские перемешаны. Георгий Николаевич единодушно был выбран тамадой. А дальше ты меня, бессовестный, шампанским напоил. *(Всем.)* Он был всегда такой отзывчивый! Маму мою в санаторий устроил, когда Матвей Николаевич не смог.

АЛЯ. Нам – как только ни помогал. Не боялся использовать служебное положение для своих родных.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Чего бояться должен был?

АЛЯ. Мало ли: кто подсидеть хочет, кто завидует, что возможности нет.

ЕЛЕНА *(Матвею Николаевичу)*. Да, Матвей Николаевич, это у вас семейная черта: быть такими отзывчивыми.

ВИКТОР. Когда я был школьником, отец отвечал на все вопросы: что и почему так в природе. Я очень любил отца. По его примеру пошел по технической линии. Всегда находил время для меня, хотя и мотался по области с востока на запад, с запада – на восток.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Ты главного не сказал: когда государству надо было срочно на Крайнем Севере целый город строить, Георгия направили. Семью любимую не потащил в жизнь без солнца! Из всех областей его выбрали. Каково?

ВИКТОР *(показывает)*. Перпендикулярно. *(Женщины смеются.)* За отца!

Выпивают.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ *(Эдику)*. Ай-яй-яй, такой молодой, а здоровьице никудышнее.

ЭДИК. С чего вы взяли? Я сам врач.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. А-а! Слышал, спирт предпочитаете.

АЛЯ. Он решил толстовцем стать или йогом. Самое то теперь.

ВИКТОР. А-ля, не шути.

АЛЯ. Шутить и попадье можно.

Неожиданно Матвей Николаевич хватается через стол Виктора за грудки.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Врешь, Витька, заграничная твоя душа! Параллельно, понял? У нас всё параллельно! Это у вас – перпендикулярно!

АЛЕКСЕЙ. Пап, это же хорошо: из нас троих получается целая система координат. *(Матвей Николаевич отпускает Виктора.)* Для любых событий в жизни.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ *(обнимая Матвея Николаевича, продолжающего стоять в воинственной позе)*. Не сподручно, Матвей Николаевич, не сподручно. И пили-то мы всего ничего. Да видать дело такое наше стариковское: под нервы нейдет. Самый раз попузырить малость на диване. *(Матвей Николаевич пытается его отстранить.)* Самую-самую малость – и обратно. Как положено. Как прилично принято.

Уходят.

Аля сажает Виктора в кресло поодаль от стола. Остальные разговаривают между собой.

АЛЯ. Слушай ты, алкаш из госкомпании, не мог поудачней момент для выпивона найти?!
ВИКТОР (*вытягивая вперёд правую ногу*). И-и-и-у!

АЛЯ. Брось свои штучки! Отец для тебя всё сделал, царство ему небесное. Кто теперь братца-супермена из колодца вытаскивать будет?! Самое время подсесть к Матвею, почву подготовить, а ты дразнить его взялся. Скольким он ветеранам помог: кому квартиры добился, кому лечение бесплатное. И детям их заодно досталось. Они должности теперь занимают! Кое-кто весьма высоко взлетел!

ВИКТОР. И-и-и-у!

АЛЯ. Или думаешь: штаны до дыр протирать дадут? Тебя уже собирались из Совета директоров пнуть! Ты в последнее время и дома, и на работе – пустое место.

ВИКТОР. И-и-и-у!

АЛЯ. Может, левую для разнообразия покажешь?

ВИКТОР. Внимай: скоро водителем станешь. Будешь ездить с вытянутой правой ногой.

АЛЯ. Ты пьян или притворяешься?

ВИКТОР. И этого немного и того чуть-чуть.

АЛЯ. Если братца привлекут по статье этой жуткой – хорош повод будет: кто-то зарится, небось, на твоё кресло. А денежки – как водичка в луже: без дождя засохнут!

ВИКТОР (*притягивает к себе, шепчет.*) Я – через Алексея. Матвей его за святого почитает. Видала? – меня отпустил, как только услышал. «Христианин» новоявленный – коммунака всех мастей: от Сталина до Горбачева...

Что-то продолжает шептать.

Становится слышен разговор за столом.

АЛЕКСЕЙ (*Эдику*). Твоё отношение к Ницше не критическое. Ницше был пронизательным диагностом, когда сказал: «Бог умер» – в душе человека. Церковный, разумеется. Но лечение предлагал ошибочное, говоря твоим медицинским языком.

ЭДИК. В чём же, интересно?

АЛЕКСЕЙ. Призывал освободиться от всех табу и следовать порывам к собственной мощи.

ЭДИК. Свобода от всяческих комплексов – это высшая реализация.

ЕЛЕНА. «Бабка надвое сказала»...

АЛЕКСЕЙ. И ещё: зря Ницше на Христа набросился. Многие табу не Иисус наложил – толкователи. Взять современный запрет христианину познавать ислам и буддизм – причём тут Христос?! Этот запрет, как и многие другие, следует из мотивации Великого инквизитора Достоевского. Познание – один из самых сильных инстинктов. По себе знаешь: психоанализом увлекался.

ЭДИК. Не спорю: Достоевский глубоко проник в психику человека. Предвидел конец без веры. Потому и зацепился за православие. В то же время: «чем больше веришь, тем больше не веришь», – сказал. То есть, зацепился за веру, как утопающий за соломинку. Скучно перечитывать – есть более современные авторы.

За стол садятся Виктор и Аля.

АЛЕКСЕЙ. Цитата, которую ты привёл – свидетельство бездонной глубины Достоевского. Чего не скажешь об однозначных психоаналитических выводах. Впрочем, прошу прощения: я не специалист. Много разных направлений появилось. Я – о Фрейде. Свести всю

внутреннюю жизнь к подавленным влечениям, по меньшей мере, сомнительно. Объяснять искусство и религии на этой основе – всё равно, что «пальцем в небо» тыкать.

ЭДИК. В одном согласен: Фрейд устарел. Новые направления всё меньше опираются на него.

АЛЕКСЕЙ (*Виктору*). Я знаю из-за чего ты рассорился с папой.

ВИКТОР. Ты, что ли, настроил Матвея против контракта? Как одержимый, на меня набрасывался. В присутствии отца, живого ещё!

АЛЕКСЕЙ. Я просил папу не вмешиваться. Между отцом и сыном. Он твердил одно: «Мой брат умрет мирно и непостыдно. По-христиански».

ВИКТОР. Что ж тут постыдного? – быть замороженным и ждать в капсуле воскрешения? Лучше, чтоб отца черви сожрали? И никакой надежды?! Человек должен достигнуть бессмертия! Сам на поминках матери говорил: смерть – главная беда человека!

Входит Григорий Фёдорович. Берёт сервировочный поднос, расставляет водочку и закусокки. Устраивается поодаль в кресло. С удивлением слушает, оставаясь невидимым сбоку.

АЛЕКСЕЙ. Это не я. Это Николай Фёдоров говорил. Основатель русского космизма.

ВИКТОР. Прорицатель был: на науку возложил задачу бессмертия! Наука смотри что делает: и геном человека расшифровали, и органы пересаживают! Замораживать мозг научились – без повреждений! Теорию сознания скоро создадут! Что, по-твоему, все трансгуманисты – крэйзи?! Я был у них на семинаре. Там математики, физики, биологи, специалисты по теории информации! В США все верящие в науку объединились в Космическую партию. Кандидата в президенты уже выдвигали! (*Выпивает.*)

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ (*бормочет*). Загляденье, как говорят.

ВИКТОР. Воскресить отцов призвал Фёдоров! А я теперь из-за Матвея навсегда с отцом расстался!

АЛЕКСЕЙ. Воскрешение – не есть компетенция человека. Что привлекает в учении Фёдорова – призыв к братству. И глубина болевой точки: смерть – главное препятствие! Нечестно требовать от несчастного – в смысле конечного – человечка, чтобы он забыл о главной своей беде!

ЭДИК (*про себя*). Какое «братство»? Каждый думает о себе.

Виктор выпивает.

АЛЯ (*Елене, вполголоса*). Опять поминки ушли в сторону от покойника. (*Всем.*) Попади Георгий Николаевич, не дай Бог, в зону теракта, что толку от ваших заумных рассуждений о бессмертии, братстве, сознании! (*Виктору.*) И контракт не помог бы!

АЛЕКСЕЙ. Число погибших от терактов – около двухсот тысяч человек. Во всех странах.

АЛЯ. Кошмар... Неужели нельзя ничего придумать? Надо христианских шахидов готовить?

ЕЛЕНА. Партизанская третья мировая перейдёт в открытую.

ЭДИК. Что тут придумаешь? Человечество прошло точку невозврата и должно погибнуть.

АЛЕКСЕЙ. Человек не может судить: ждёт нас окончательная катастрофа или временная. Типа Всемирного Потопа.

ВИКТОР. И? Что делать-то, религиовед ты наш?

АЛЕКСЕЙ. Человечество впервые стало единым. Как семья. Каждый может понять каждого – такой возможности не было никогда. Но «семья» эта увязла в многобожии: каждый отстаивает свой идеал, включая атеистов. Я верю: настанет день, и придёт Божественный Учи-

тель для всего мира, и призовет, подобно Иисусу: «Слушай, род людской! Господь Бог наш есть Господь единый!»

Пауза.

ВИКТОР (*осушив стопку*). «Свежо предание, но верится с трудом». Ну, допустим: цивилизованные народы снова станут религиозными. Сейчас-то что делать?

АЛЕКСЕЙ. «Готовность – всё», – сказал Гамлет...

ЭДИК. И – погубил всё и всех. Себя в том числе.

АЛЕКСЕЙ. То была готовность к поединку. Я же – о готовности к единству. Надо искать примирения.

ЭДИК. Ка-а-к?

АЛЕКСЕЙ. Партизанская третья мировая вот-вот перейдет в уничтожение друг друга. Пока не поздно, мы должны найти рецепт примирения. Конкретно: христиан с мусульманами. Был такой человек в пятнадцатом веке – Николай Кузанский. Кардинал, философ, математик, астроном. Поразительно: четыре Папы не видели в нем еретика. А Джордано Бруно, его последователя, на костре сожгли. Более того: Кузанского Папа назначил своим посланником, когда была последняя попытка примирения католиков с православными...

ЭДИК. Опять про историческую личность...

ВИКТОР. И правда, как с тобой встретишься, то о Фёдорове из девятнадцатого века. Теперь аж в пятнадцатый полез.

ЕЛЕНА. Как вам не стыдно! Дайте сказать третьей координате, в конце концов.

ВИКТОР. Слушаем и повинемся!

АЛЕКСЕЙ. Когда турки взяли Константинополь, они зверствовали без оглядки: ребенок ли, женщина, старик. Как теперешние фундаменталисты, посылая шахидов. Это потрясло весь христианский мир. И тогда Николай Кузанский написал опус «О мире вер». Где придумал Небесный Собор, на который Бог созвал язычников, иудеев, христиан, мусульман...

ЭДИК (*Елене, вполголоса*). Ясно: вертикальной координате надо высказаться.

ЕЛЕНА. Не всё же в плоскости двигаться.

Эдик отходит в сторону, о чём-то мрачно думает.

АЛЕКСЕЙ. Представители разных вероисповеданий задавали самые каверзные вопросы. Петр и Павел отвечали. Бог вердикт выносил. В результате Кузанский подводит читателя к выводу, что божественные заповеди все народы понимают одинаково. Вражда поэтому устраняема! Мешают обряды и неполнота вероучительных знаний. Невероятная толерантность для пятнадцатого века! Вдобавок, для кардинала!

ВИКТОР. Судья-то – христианский Бог, раз на вопросы апостолы отвечали! Какой мусульманин это допустит?! Фантазия, и ничего больше. (*Выпивает.*)

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Умницы! Какие все умницы!

АЛЕКСЕЙ. Один из крупнейших философов двадцатого века Мартин Бубер сказал: «Двадцать первый век будет веком диалога или его вообще не будет». И возникло целое течение: богословие диалога...

ВИКТОР (*дирижируя*). И тэдэ, и тэпэ...

АЛЯ (*хватает его за руку*). Не паясничай. (*Алексею.*) Алекс, ты взрослый, энциклопедически образованный человек. Ответь мне, пожалуйста, только человеческим языком: что нам от толерантности Кузанского? Где она у фундаменталистов зарыта? В чувстве «братства»? Или в «богословии диалога»? И зачем столь эффектно и в столь подходящей обстановке ты это преподнёс?

ВИКТОР. В подсознании толерантность зарыта! (*Эдику.*) Может, армию психоаналитиков на них натравить? (*Эдик криво усмехается.*)

АЛЕКСЕЙ. Что вы, братцы... Если не к месту, то прошу прощения...

ЕЛЕНА. Алеша, зачем ты?..

АЛЕКСЕЙ. Как-то абстрактно получилось. Я хотел сказать, что богословскими спорами не получится на практике примирить. Но надо уроки извлечь из благих намерений, очутившись в аду противостояния...

ВИКТОР (*Алексею*). Садись поближе. (*Насильно усаживает рядом.*) Я тебе сейчас всё объясню. Не трепыхайся, когда с тобой говорит действительно умный человек! (*Аля делает нетерпеливое движение.*) Цыц, женщина! А то мужчиной станешь! (*Пьёт и кладет руку на плечо Алексея.*)

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Образованьице высокое, а выпили – и поругались. Закон природы.

ВИКТОР. Друг мой, поверь, мы очень уважаем историю. Современный человек её даже лелеет. Иначе, какого хрена мы содержали бы многочисленные музеи?! Нахлебников, что ли, мало?! История есть история. В ней много, конечно, поучительного. В ней, конечно, много было всяких оригиналов и даже с большим умом. Но ты-то, но мы-то теперь твёрдо знаем, откуда взялась иная оригинальность! Наука находилась, можно сказать, в зачаточном состоянии. Кругом и сплошь о Боге лбы сдвигали. Современному человеку, прости, это просто неинтересно. Ты выйди на улицу и крикни: «Наша цель – братство! Православные, обнимемся с мусульманами!» По меньшей мере, гарантирую, загремишь в дурдом! Если по дороге не прибудут. Не те, так эти. Уяснил?.. (*Алексей снова пытается отстраниться.*) Нет, ты сиди. Я только «теорию» закончил. Теперь перейдём к главному: к твоей жизни. Которая является следствием твоих, мягко говоря, не общепринятых взглядов.

АЛЕКСЕЙ. Прошу, Витя, не трагай, мою жизнь.

ВИКТОР. Что это ты встрепенулся? Мужик, а такой недотрога. Правды, что ли, испугался?

Виктор осушает рюмку.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Я детьми на старости не запасся. Зато в делопроизводстве преуспел. Без меня покойному Георгию Николаевичу накладно было бы. Без порядка в бумагах у замгубернатора паралич.

АЛЕКСЕЙ. Правда ведь тоже зависит от освещения.

ВИКТОР. Во! Во! В этом ты весь! Всё у тебя стало зависеть от освещения. Простые жизненные правила оказались такими уж сложными, такими перевёрнутыми, что нам не понять.

АЛЕКСЕЙ. Отчего же...

ВИКТОР. Раз «могём», так слушай. Может, тебя смущает, что я выпил? Так скажи, не обижусь, я от правды не прячусь.

АЛЕКСЕЙ. Я не это имел в виду.

ВИКТОР. Занесло тебя, Алёшка, не в ту степь. А в какую – я сейчас опишу. И я не боюсь, что тут твоя жена, что она услышит. Ибо мы не дети уже, нам, как говорится, пора. Я даже уверен, что она сама так думает, только помалкивает...

ЕЛЕНА. Виктор...

ВИКТОР. Вот видишь, она говорит «Виктор». А что значит «Виктор»? По-бе-ди-тель. У женщин, Алёша, инстинкт. Ибо хранительницы этого, как его, чёрт... Ну, ничего. Я ещё в силе, можно сказать, в соку. Ты что, лучше всех, что ли? Вот что я скажу: ты о себе возомнил. Решил, что ты – древнеримский историк Тацит. А кишка – тонка. Или скажешь: нет? А если «нет», докажи сначала. Чтoб тебя признали, чтобы тебе, можно сказать, памятник запроекти-

ровали. А потом живи не как все. Как Диоген. Он сначала доказал, а потом уж в бочку полез... (*Выпивает ещё. Григорий Фёдорович задремал.*) ... Вот скажи: зачем физфак на пятом курсе бросил? И пошёл на первый курс! Религии изучать! Будучи женатым человеком!

АЛЕКСЕЙ. Потому что на третьем не понял физику микромира. Думал, я такой несмышлёный. Потом прочитал: сами создатели по-разному толковали. Кстати, до сих пор крупнейшие ученые считают, что микромир человек не изучит полностью никогда. На пятом курсе – теорема Гёделя о неполноте простой арифметики. Я осознал, что все это указывает на ограниченность человеческого ума, на принципиальную невозможность в точности познать и окружающий мир, и собственное мышление...

ВИКТОР. Стоп-стоп, послушай, я хоть не физфак, но тоже в техническом учился. Что из того, что не понимаем? Работает теория – и всё!

АЛЕКСЕЙ. Я так не могу.

ВИКТОР. Почему? Все могут, а ты не можешь?

АЛЕКСЕЙ. Потому что ограниченность человеческого знания наталкивает на поиски границы, отделяющей человека от Бога. И что удивительно: основной постулат физики микромира – принцип дополнительности – оказался применим в далёких от физики областях, например, в лингвистике. Да что говорить: мужчина и женщина созданы по принципу дополнительности: и телом, и душой, и духом!..

ВИКТОР. Из-за этого всю жизнь поломал? И себе, и семье?

АЛЕКСЕЙ. Ещё Пушкин в юности написал:

«Ум ищет божества,
А сердце не находит».

Как будто обо мне и об отчаянии современного мира сказано.

ВИКТОР. Ну, раз Пушкин – сдаюсь. Твой ум – ищет. Но зачем же он в нищете ищет? Коллеги твои по миру ездят, отсталые народы изучают, лекции читают. А ты диссертацию даже не защитил. Тебе ходу никуда нет!

ЕЛЕНА. Виктор, оставь Алешу в покое. У него через два месяца предзащита.

АЛЯ (*Виктору*). Что ты мелешь? Другое на трезвую голову хотел...

ВИКТОР (*Алексею*). Значит, выкарабкиваешься из безнадёги! Почему молчал?!

АЛЕКСЕЙ. Я ещё не знаю, пойду ли на предзащиту.

ВИКТОР. То есть? (*Елене*). День назначен?

ЕЛЕНА. Я сказала: через два месяца.

ВИКТОР. Как – не пойдешь? Все соберутся, а ты – в кусты? Скандал! Что раньше думал, когда писал?

АЛЕКСЕЙ. Друзья по работе насели: пиши, пиши... «Достаточно, – говорят, – материалов накопал. Но взгляды свои, почему три религии стали мировыми, не вздумай излагать. Никто их не разделяет. Не говоря уже о руководстве».

ЕЛЕНА. Алёшенька, может они правы: защитишься – выступишь на международной конференции. Кто-нибудь обязательно заинтересуется.

ВИКТОР (*Алексею*). О! Слышишь? – жена-то дело говорит. Но! Прямо скажу: диссертация – полдела. Вот семью обеспечивать – твоя постоянная обязанность!..

ЕЛЕНА. Мы не голодаем...

ВИКТОР. ... Друзья твои говорят: «материалов накопал», значит, можешь! Заработать на них, то есть. Но ты же не «за», не «под»! Ну, допустим, на одних материалах трудно. Предположим. Хоть я там, в «Центрах ваших по изучению», слава Богу, не работал. Ну, пускай, верю, хотя, честно говоря, с трудом. Потому как «стучите и откроют». Я правильно цитирую?

То-то. Я тоже кое-что. Так что за-работать, ты допустим, не спец. Тогда под-работай! А ты в кусты опять-таки. Ну, скажи, что после своей так называемой работы делаешь? А? Не слышу?

АЛЕКСЕЙ. Работаю.

ВИКТОР. Серьёзно? Наконец-то! Выпьем!

Наливает себе и Алексею и выпивает в одиночестве. Внимательно оглядывает Елену. На последнем слове Григорий Фёдорович вздрагивает и открывает глаза.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Спугнули. А как закручено-то было. Будто я на своём участке помидорчики посадил. Как обыкновенно. А они по загадочной причине плодов не дали. Ни одного! При замечательной погоде и инструктивном с моей стороны уходе! Я соответствующий запрос шлю в инстанции по рассаде. И получаю ответ. Распечатываю – и... Жаль. Что жаль, то жаль. Что бы они могли ответить? Как оправдаться?

ВИКТОР. Значит, работаешь. И сколько?

АЛЕКСЕЙ. До двенадцати обычно.

ВИКТОР. Бр-р-р... Не понял: до чего «двенадцати»? Ежели тысяч, то извини, не верю. Ежели рублей, то прости: так не бывает. Или ты годовой исчисляешь, как Западе?

АЛЕКСЕЙ. До двенадцати ночи, Витя.

Аля смеётся. Вскоре она отходит к Эдику и что-то шепчет ему.

ВИКТОР. Я всей душой, а ты решил посмеяться? (*Опустошает рюмку.*)

АЛЕКСЕЙ. И не думал, Витя. Для себя пока работаю.

ВИКТОР. Стало быть, издеваешься. Ну, так знай: ты позоришь всю нашу родню!!

АЛЕКСЕЙ. Чем же, Витя?

ВИКТОР. Чем?! Да живи, как тебе взбрѣдѣтся! Только у себя, в своих стенах! Но ты же по улице ходишь! Твоего Виталика в школе дразнят! Или тебе всё равно? Нет, тебе лично – пускай! Ты, может быть, оригинал. Но на жену, на жену свою погляди! Ей выйти не в чем! Я уж не говорю в гости, пусть. Но она же зимой в пальто ходит!

ЕЛЕНА. Алѣша...

ВИКТОР (*успел опорожнить ещё одну рюмку*). Ну, понял, наконец? Всё понял? Совсем или наполовину? Вижу по глазам, наполовину. То есть, процентов на десять, не больше. Я, по-твоему, кто?.. Или как там их... На шмотках то есть помешался? Плевал я на тряпки! Только для примера взял. Чтобы разъяснить. Жизнь, Алѣшка, устроена просто. На работе – работай. В кино – гляди на экран. Ребѣнка – воспитывай. В гостях – веселись. За рулѣм – не зевай. В постели – как хочешь: хочешь спи, а хочешь – не спи. Тут – дело твоѣ! (*Выпивает ещё.*)

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Мудрый был человек Георгий Николаевич. И детей-то мудрых вырастил. И всякая причина своё следствие имеет.

ВИКТОР. А ты всё упрощаешь. (*Обнимает его.*) Ты не в обиде? Я ведь любя. Если б не любя, стал бы изливаться? Ну, скажи, стал бы? То-то. Мне жаль тебя. Ты не живѣшь. Ты вбил себе что-то в голову и, как сказал поэт, «наступил себе на горло». Ты забыл, что ты – человек. Ты в тусовке никакой не участвуешь, в соцсетх отсутствуешь, деньги не зарабатываешь, следовательно, в отпуск за границу не едѣшь, на природу экзотическую не любишь. Ты хоть в Турции был? Не слышу?.. То-то: не был!

Снова опустошает рюмку.

АЛЕКСЕЙ. Разлюбил я экзотику, Витя.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Здоровьице, стало быть, подводить начало. Самое наиважнейшее – здоровьице. И всегда первый тост за него. Народная мудрость.

ВИКТОР. А как твои древние греки говорили? Всё должно быть в меру: и работа, и удовольствие. Но – без крайностей. Вокруг-то люди! Они тебе не простят. У тебя нет друзей. Это очень плохо. Ну, что у тебя за друзья?! Я чуть рюмку не проглотил на твоём сорокалее! Люди собрались, чтоб отметить, чтоб пожелать, чтоб повеселиться – а они? Всё про «западные культуры», про «восточные культуры»... Культура, поверь мне, одна! А это – хамство!! За общим столом! Так им и передай. Они начитались, так что ж? Я их не глупей. Я своей головой до всего дохожу. Насчёт жизни то есть. Я-то тебя лучше знаю. Это ты с ними надорвался. А я тебя в школе помню. Тебя ж в пример Эдьке ставили! Хоть ты и младше. И при-и-том девочки у тебя класса с восьмого, а? Винцо? Как и положено: одновременно? Вечериночки? Будь здоров! Вот это был ты. Против генов, Алёшка, не попрёшь. *(Выпивает слишком много.)* А ты ещё смеялся. Слушать надо умных людей, а не перебивать. *(В последней стадии опьянения.)* Эх, Алёшка, ведь я тебя люблю, как младшего брата. Вот мы совсем одни, и я тебе откроюсь. Я люблю тебя больше, чем Эдьку, хоть ты и двоюродный. За невозмутимость твою люблю. А Эдька – он дерьмо. *(Эдик вскакивает, но Аля его удерживает.)* И не зря с ним это приключилось!.. Сиди! Я ещё главного тебе не сказал. Как другу... как брату... Мы с тобой поспорили... в прошлый раз про жизнь твою, помнишь? Ты ещё сказал «до двенадцати», а я не врубился... Вспоминаешь теперь? Я ещё говорил, что Ленка у тебя – красавица. Припомнил, наконец, богоискатель? Так не зря я тогда про неё.

Аля в растерянности отходит от Эдика, напряжённо вслушиваясь. Эдик стоит в оценении.

Не зря. Ибо намекал, а ты... Эх, ты! Вни-май: Эдька её э-эх...

АЛЕКСЕЙ *(встаёт)*. Ты что?..

ВИКТОР. Как выражо... заплетаюсь... как выражались твои древние: Эдька её по-знал! *(Грохается головой о стол и мертвецки спит.)*

Алексей опускается на стул. Елена смотрит на него, и по щекам её скатываются слёзы. Но он не в силах поднять голову. Аля рванулась к мужу и трясёт его. Эдик срывается с места и мечется, размахивая руками и выкрикивая что-то одними губами. Аля подсаживается к Алексею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.